

Т.В. Зеленкова

О СЕТЕВОЙ ПАРАДИГМЕ В ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматривается принцип сетевой организации теоретического и практического знания в ряде естественных и гуманитарных областей науки, который мог бы являться основой одного из вариантов интеграции психологии. В рамках исследуемой сетевой парадигмы большое внимание уделяется основным понятиям синергетики, которые дают возможность описать динамические аспекты формирования целостного психологического знания. Предлагается рассматривать сеть не как плоскую эклектическую структуру, а как холархически развивающуюся многоуровневую систему.

Ключевые слова: интеграция психологии, сетевая парадигма, иерархия сетей, синергетика.

Противоположность правильного высказывания — ложное высказывание. Но противоположностью глубокой истины может быть другая глубокая истина.

Нильс Бор

В последнее время в российской психологии достаточно отчетливо наблюдается тенденция к «саморефлексии» деятельности как теоретических, так и практических психологов в плане осмысления методологической архитектуры современного психологического знания и осознания логики развития его основных научных направлений. Авторы последних публикаций, посвященных данным вопросам, в целом согласуются между собой в мнении о раздробленности, полипарадигмальности и эклектизме сегодняшней психологической науки [6–8; 17; 23; 33–34; 40–41]. Закономерно, что на фоне разноплановости теоретических позиций, оформление практических областей происходит также крайне неоднородно, с разной степенью осмысления и обобщения опыта. В этой ситуации четко выделяется целый ряд «симптомов» возникающего психологического кризиса [41; с. 3].

Собственно говоря, о некоторых из этих «симптомов» и о кризисной ситуации во многих областях современной психологии еще в 1986 г. писал А.А. Пузырей [30], связывая эту ситуацию с недостаточно адекватным осознанием

методологических проблем при взаимодействии научной психологии и психологической практики. На примере психологии творчества он указывал на ситуацию, когда практика развивается вне теории и поэтому оказывается несостоятельной в разрешении принципиальных вопросов, а научная психология «не может» ее (теорию) дать, поскольку, во-первых, слишком академична и, во-вторых, ориентируется на естественно-научную парадигму исследования. В.М. Розин, анализируя практику психологической помощи, также отмечает, что «психологи-практики, стремящиеся помочь людям, крайне неадекватно осознают собственную работу» [31, с. 9], имея в виду не простое осознание деятельности психолога, а логические и методологические реконструкции этой деятельности, рефлексию ее культурного контекста.

И если в 1996 г. Ф.Е. Василюк констатирует состояние «схизиса» — раскола между исследовательской и практической психологией [4, с. 26], то для современного состояния психологии характерны не одна, а много различных точек расхождения ее научных направлений. Так,

например, выделяется не только разрыв между теорией и практикой (так называемый «диагональный» разрыв), но и другие — «горизонтальный» (разрыв между отдельными психологическими теориями), «вертикальный» (между различными уровнями объяснения психического) [40]. Но и эта «геометрическая» метафора является явно недостаточной, т.к. подобные расхождения можно констатировать и по другим направлениям — между естественно-научной и гуманитарной парадигмами [37; 39], между западными и восточными концепциями [31; 16] и др.

Множественность независимо развивающихся теорий и практик закономерно тревожит психологическое сообщество, поэтому вполне естественно звучат призывы к интеграции психологического знания [40].

Пути интеграции и сама ее возможность определяются многообразием методологических позиций исследователей и практиков, существующих в настоящее время [33]. С.Д. Смирнов указывает на четыре основные позиции: методологический нигилизм, монизм, либерализм и плюрализм. Первая, распространенная, в основном, среди практикующих психологов, отождествляет методологическую рефлексию с бесплодным и ненужным философствованием; вторая — требует централизации вокруг «единой теории психического»; третья позиция (методологический либерализм) предполагает построение комплексного психологического знания на основе межуровневых связей; наконец, четвертая (методологический плюрализм) — основана на признании права психологии на полипарадигмальность.

Ясно, что позиция «методологического нигилизма» препятствует интеграции. Воспользовавшись термином В.В. Петухова, можно сравнить ее с позицией «мничности» (мнимой личности), когда Оно занимает место Я и делается попытка «обосновать требования, связанные с

исключительностью своих, сознательно подчеркнутых нужд, представителям других, парциальных интересов» [27, с. 36].

С другой стороны, позиция «методологического монизма» призывает к созданию единой директивно-жесткой иерархической системы. Оставаясь в рамках той же метафоры, можем сказать, что здесь тоже есть подмена Я, но уже за счет Сверх-Я. Возможность интеграции будет определяться сложившейся иерархической структурой этой системы. Как показывают современные системные исследования, жесткие системы недолговечны и не способны эволюционировать, а любые попытки их реформирования неизбежно приводят к дроблению и распаду.

Лишь в установках «методологического либерализма» и «методологического плюрализма», признающих самостоятельную значимость и независимость различных психологических теорий и уважающих их, присутствует подлинное Я. Это соответствует позиции «истинной личности», осмысленно преобразующей «собственные природные свойства и уже присвоенные социальные качества» [27, с. 36]. Однако в рамках этих установок призыв к интеграции звучит по-разному: в первой — как более традиционный, линейный, основанный на директивной попытке установить связи между науками, «навести мосты», чтобы построить «каркас единой системы психологического знания» [40, с. 18]. Во второй — как естественный, не предполагающий изначально никаких насильственных действий относительно интеграции и признающий тем самым право не только на самостоятельное развитие каждой теории, но и на возникновение и становление новых концепций и парадигм.

Последняя позиция представляется автору данной статьи более прогрессивной. Увеличение числа научных теорий и школ, не имеющих единого фундаментального центра, будет неизбежно

создавать множественность контекстов рассмотрения той или иной проблемы, порождая условия, инициирующие синергетические (совместно возникающие) процессы и увеличивающие вероятность возникновения эффектов самоорганизации знания. Эти условия ведут к образованию *сетевой структуры* психологического знания, которая является более органичной для современного состояния психологии. Сетевой подход делает акцент в первую очередь на описание компонентов сложных систем *через отношения между ними*, постулируя отсутствие фундаментальных элементов в этих системах, а также обращает внимание не на подчинение одних элементов другими, а на их синергетическое взаимодействие и взаимозависимость.

Самоорганизация знания и образование сетевых структур – процессы уже реально существующие в современной науке. Наиболее ярко и естественно они проявились в математике, которая уже изначально развивалась по сетевому принципу. Собственно вся история математики – это история образования сети: каждая новая теория не отрицала другую. В своих знаменитых «Методах математической физики» выдающийся немецкий математик и крупный методолог образования первой половины XX в. Р. Курант, рассуждая об организации знания в учебном процессе, писал о том, что «математическую дисциплину можно рассматривать как непрерывную ткань взаимных связей, при изложении которых метод и мотивировка выступают на передний план, а кристаллизация результатов в изолированные четко очерченные теоремы играет лишь вторичную роль» [18, с. 4]. Удивительным подтверждением этой мысли стало доказательство Э. Уайлсом в 1995 г. великой теоремы Ферма, которое потребовало привлечения огромного количества знаний из самых разнообразных разделов математики, на первый взгляд, казалось

бы, ничем не связанных между собой и тем не менее использованных совместно для решения проблемы, волновавшей человечество более 300 лет [32].

В других науках образование сетевых структур шло, как правило, через конфликт, противостояние и взаимоотрицание теорий. Лишь с течением времени признавалось их равноправие на истину. Так было, например, в физике с теорией элементарных частиц, природу которых считали поочередно то корпускулярной, то волновой. Однако в конечном итоге обе теории были признаны истинными, когда стало понятно, что они, хотя и являются взаимоисключающими, все же не противоречат друг другу. В этом заключается один из ключевых парадоксов современной квантовой физики. Примерно то же самое произошло с классической механикой. Появление релятивистской, а затем квантовой механики сначала воспринималось как неразрешимое противоречие, что привело к противостоянию сторонников разных теоретических позиций. Сейчас эти теории согласуются между собой, каждая нашла свою экологическую нишу: классическая механика объясняет события, происходящие в мезомире, квантовая – в микромире, релятивистская – в макро- и мегамире.

В чуть более мягкой форме противостояние наблюдалось между психоанализом и гештальтпсихологией, которых со временем «соединила» в сеть психотерапевтическая практика: и психоанализ, и гештальттерапия имеют свою собственную теорию, но часть понятий в них осталась общей. Гештальттерапия сама по себе формировалась по принципу самоорганизации знания и уже может рассматриваться как сетевая структура, отражающая связи с динамической, поведенческой, экзистенциальной, телесно-ориентированной терапией и психодрамой.

Формирование сетевой парадигмы в современной науке можно наблюдать

в резком увеличении числа междисциплинарных исследований. Бурное развитие кибернетики в 50–60-е гг. XX в. привело к появлению когнитивной психологии, теории коммуникаций, дискурса радикального конструктивизма, концепции аутопоэзиса. При этом и сама кибернетика стала в значительной мере антропоморфной — концепции искусственного интеллекта и принципы робототехники исходили из законов функционирования живых систем.

Теоретическое осмысление сетевого подхода в науке началось в последние годы в эпистемологии, биологии и информатике [14; 16; 20; 42]. Сетевые модели начинают изучаться в экономике [9–10; 24]. Идеи Вернадского о биосфере и ноосфере, привлекая в настоящее время усиленное внимание зарубежных ученых и созвучные многим продуктивным гипотезам в экологии (гипотеза Геи Дж. Лавлока, эволюционная гипотеза Л. Маргулис), имеют, фактически, сетевую основу [12]. Представления о биосфере как об автономной самосозидающей системе, которая самоорганизуется по принципу сети, являются основой для более глубокого постижения функционирования и эволюции биосферы в современной науке [13].

Сетевая парадигма в психологии пока только заявлена. Единственной, пожалуй, психологической теорией в ряду уже перечисленных стала концепция Г. Бейтсона [2; 28]. Разрабатывая сетевую парадигму в эпистемологии, он распространяет ее на ментальные процессы и строит свои знаменитые когнитивные теории: шизофрении, алкоголизма и концепцию патологической коммуникации «double bind». В последние годы жизни в русле сетевого подхода Г. Бейтсон высказывает свои взгляды на проблемы экологии и природу общественного сознания. Основные идеи Г. Бейтсона развиваются его последователями — П. Ватцлавиком в психотерапии [5], У. Матураной и Ф. Варелой

в эволюционной эпистемологии [14; 20], Н. Луманом в социологии [19].

Появление ряда отечественных методологических работ, раскрывающих сетевой подход в психологии [6–8], также отражает общие тенденции, характерные для современного научного мышления.

Возникновение сетевого мышления в науке связано с развитием системного подхода и переходом его на качественно новую ступень. В середине XX в. работы Л. Бераланфи, предложившего общую теорию систем и впервые описавшего живой организм как открытую систему, вызвали большой интерес кибернетиков к свойствам живых систем. Л. Бераланфи полагал, что общая теория систем может обеспечить идеальную концептуальную структуру для объединения различных научных дисциплин, которые страдают изолированностью и фрагментарностью. Системный подход стал универсальным принципом научного познания практически во всех областях, объясняя свойства объектов и их (объектов) функционирование на разных уровнях систем.

Качественно новый уровень в области системных исследований связан с разработкой Г. Хакеном теории детерминированного хаоса [36], И. Пригожиным — теории диссипативных структур [29], а также с появлением бутстрап-теории Дж. Чью [38] и идей самоорганизации, возникших практически одновременно в различных областях знания, включая науки о живой материи. Внимание исследователей переместилось от объектов к связям между ними, что привело не только к смещению акцентов, но и к появлению нового направления в системном мышлении. Сущность этого изменения очень образно выразил Ф. Капра, отмечая, что «в новом системном мышлении метафора здания (по отношению к знанию) сменяется метафорой сети» [14, с. 55].

Представление о сетевой модели научного знания впервые выступило через

формулировку в 1970-е гг. американским физиком Дж. Чью теории «бутстрапа» (от англ. bootstrap – самонастройка, самосогласование) [38]. Согласно этой теории, материальная вселенная рассматривается как динамическая паутина взаимосвязанных событий, где свойство любой части вытекает из свойств других частей, а общая согласованность их взаимосвязей определяет структуру всей сети. При этом ни одно из свойств не является более фундаментальным, чем другое.

Концепция сети не исключает существование различных системных уровней, однако ни один из этих уровней не может быть первичным или вторичным – каждый из них имеет самостоятельное значение и роль в общей организации сети. Так, чилийские нейрофизиологи У. Матурана и Ф. Варела, изучая живые организмы, описывали структурную организацию метаклеточных систем по принципу сетей внутри других сетей (так называемых «вложенных» сетей) [20]. Г. Бейтсон, развивая теорию коммуникаций, рассматривал коммуникативную систему как иерархию контекстов или «контексты контекстов», описывая ее в виде бесконечной регрессии релевантных контекстов, каждый из которых представляет собой «сеть цепей прохождения сообщений» [2, с. 276]. При этом каждая сеть является операционально замкнутой, а последовательность сетей внутри сетей – дискретной. Эта операциональная замкнутость обеспечивается «сетью динамических процессов, действие которых не выходит за рамки этой сети» [20, с. 79], а также границей сети, которая не является формальной, а активно строится и постоянно воссоздается самой сетью, т.е. сама является частью этой сети. Такой тип организации У. Матурана и Ф. Варела назвали аутопоэтическим (самосозидающим).

Следующим этапом утверждения сетевой парадигмы в научном познании является попытка описать общество как

сетевую социальную систему. Концепция социального аутопоэза, разработанная Н. Луманом, рассматривает процессы коммуникации как социальные процессы аутопоэзной сети: «в каждой коммуникации, причем абсолютно независимо от ее конкретной тематики и от пространственной дистанции между участниками, подразумевается мировое общество» [19, с. 161]. Он предлагает понятие общества как «операционно закрытой, аутопоэтической социальной системы, включающей в себя все остальные системы, то есть вбирающей в себя все коммуникации» [19, с. 179], а приобретение обществом гетероархичности и ацентричности считает корелеятом осетевления коммуникаций.

Ярким примером сетевой организации информации является сеть сетей – Интернет, которая дала возможность не только связать «все со всем», но и создать непосредственные контакты между людьми независимо от расстояния между ними. Это послужило толчком к осмыслению новых связей в мировом сообществе, которое сегодня переживает «бесшумные», но «весьма радикальные изменения общественного устройства» [9, с. 35], суть которых состоит в неуклонном установлении прямых и равноправных связей всех со всеми. Интернет-технологии, которые сделали возможность снятия существенных ограничений с возможностями действовать (пространственно-временных, бюрократических, индивидуально-личностных и пр.), послужили основой становления нового, « сетевого » общественного уклада, основой зарождения сетевой организации взаимодействия – « сетевого общества » [9, с. 40].

Одно из основных свойств сети – ее способность к самосохранению и самовосстановлению. Поэтому сеть Интернет изначально была задумана ее создателями из Министерства обороны США как структура управления, обеспечивающая сохранение своей работоспособности и

эффективности в случае возникновения ядерной войны. Устойчивость подобной сетевой структуры позволяет ей восстановиться практически полностью, даже если сохранится только ее фрагмент, не превышающий 30 % (принцип развертывания целого из любой его части). Д. Бом, развивая свою «теорию подразумеваемого порядка», рассматривающую мир как сеть динамических отношений, описывает этот порядок, пользуясь аналогией голограммы. Если осветить любую часть голограммы, то будет восстановлен (пусть с меньшей подробностью деталей) и весь образ [15, с. 33].

Сетевая система – это, прежде всего, открытая система, обладающая существенной нелинейностью (многообразием обратных связей) по всем направлениям и не имеющая управляющего центра. Поскольку центр тяжести переносится с элементов системы (узлов сети) на взаимосвязи между ними, а сами узлы при ближайшем рассмотрении тоже оказываются сетями, само понятие элементов перестает играть определяющую роль и становится второстепенным. При анализе таких структур на первый план выходят характеристики сети как динамической системы с высокой степенью нестабильности. Характеристики, описывающие функционирование подобной системы, связаны с понятиями, которые были открыты в физике (теория детерминированного хаоса) и развиты в синергетике, ставшей в настоящее время одной из центральных наук, занимающихся системными исследованиями.

Синергетика изучает закономерности возникновения качественно новых, внезапно возникающих целостных (эмерджентных, т.е. не сводимых к сумме свойств отдельных частей) свойств системы под влиянием внешних воздействий на основе ее внутренней динамики. Поэтому язык синергетики является органичным и удобным инструментом описания

практически любых сетевых взаимодействий, а ее терминологический аппарат и система понятий, в значительной мере сформировавшиеся в результате описания нелинейных явлений в различных естественных и гуманитарных областях, успешно применяются в современной социологии, экономике, а также в психологии для решения определенного класса задач, являясь «эвристическим средством, расширяющим операционально-аналитические возможности ученого-исследователя» [22, с. 361].

В рамках сетевой парадигмы понятия синергетики дают возможность рассмотрения системы в постоянной динамике, развитии, открывая, наряду с пространственным, временной аспект рассмотрения явления. Основными такими понятиями являются положительные и отрицательные обратные связи, точки бифуркации, аттракторы. Динамический компонент, содержащийся в каждом из этих понятий, дает возможность научного описания процессов формирования и изменения сети, происходящих в ней непрерывно.

Концепция отрицательной обратной связи, введенная в психологию и физиологию Н.А. Бернштейном [1] и в кибернетику Н. Винером [14], включала в качестве своего основного содержания процесс устранения неопределенности между функцией на входе и ответной реакцией на выходе в системе регулирования и рассматривалась как основной механизм управления сложными живыми и неживыми системами. Гораздо позже, уже в 60-е гг., после работ антрополога и кибернетика М. Маруяма [14] для целей управления стали использовать наряду с отрицательными (саморегулирующими) и положительными (самоусиливающими) обратные связи. Работы Г. Хакена, И. Пригожина и становление синергетики позволили рассматривать роль положительных обратных связей не только как драматичную по своим последствиям, но и как прогрессивную,

имеющую отношение к процессам самоорганизации и эволюции сложных систем.

Концепция обратной связи стала ключевой и в сетевой парадигме Г. Бейтсона, который связывал ее с основной самообучающегося поведения. Необходимо отметить, что Г. Бейтсон впервые обратил внимание на такой качественный параметр, как степень интенсивности обратной связи, являющийся, по его мнению, характеристикой уровня развития сети, ее места в общей иерархии сетей. Чем интенсивнее обратная связь, тем более низкий уровень организации сети и более низкая степень первичности контекста, с которым взаимодействует система [2, с. 29]. Этот параметр, по-видимому, может сыграть положительную роль в разработке различных теоретических концепций – аналогичным образом в экономике используется понятие «информационной проницаемости среды» в качестве критерия классификации экономических форм управления. В частности, сетевая экономика рассматривается как начало качественно нового «витка» экономического роста на основе резкого увеличения информационной проницаемости и возрастания интенсивности обратной связи в связи с появлением сети Интернет [24].

Точки бифуркации – точки неустойчивого равновесия, в которых система подвержена влиянию случайных воздействий очень малой величины. В этом критическом состоянии система может начать новое направление развития, либо разрушиться вовсе.

Под аттракторами (от лат. *attrahere* – притягивать) в синергетике понимаются структуры, представляющие собой точки или области притяжения свойств, состояний или содержаний системы. Эти структуры различаются по своим функциям. Принято различать фазовые и странные аттракторы. Фазовые приводят систему

в состояние циклической устойчивости или покоя, странные аттракторы переводят ее в новое состояние или на новый этап развития.

Сетевая парадигма предполагает участие в процессах формирования системы психологического знания обоих видов обратных связей. Согласно взглядам Дж. Чью, образование сетевой структуры знания предстает как медленное и постепенное создание сети взаимосвязанных и равнозначных идей и концепций. Механизм бутстрапа предполагает, что объединяются и становятся членами семейств только сильно взаимодействующие теории и практики [38]. Это исключает эклектичность их соединения. По мере развития структуры взаимосвязи в этой сети становятся все более и более определенными, а вся сеть – все более и более фокусированной. Чем большее число концепций «пришнуровывается», тем более динамичным становится этот процесс. В этом случае отрицательные обратные связи обеспечивают организационную устойчивость знания, стремление к расширению возможностей различных теорий и практик. Положительные – «раскачивают» систему, приводят ее в состояние неустойчивого равновесия, создают тем самым возможность для возникновения нового знания, позитивной критики, творческого развития, перехода на новые уровни организации.

Построение теоретического знания как взаимосвязанной сети концепций достаточно четко просматривается в работе Д. Дойча «Структура реальности» [11]. Связывая в единое целое четыре научные области, автор утверждает, что вместе они обеспечивают новый уровень объяснения единой структуры реальности, и «ни одну из четырех нитей невозможно должным образом понять, не понимая трех других» [11, с. 340].

В этой работе Д. Дойч не использует слово «сеть», однако он не только дает

представление о сетевой концепции знания, но и на протяжении всей книги воссоздает также динамику формирования этой сети. Д. Дойч показывает, как в каждой из четырех областей научного знания — квантовой механике, теории вычислений, эпистемологии и теории эволюции — появление новых концепций вызывает «раскачивание» парадигм и их (парадигм) переход в точки бифуркации. Возникают неравновесные состояния, характеризующиеся ситуацией, когда новые теории еще не являются общепринятыми парадигмами, но уже становятся общепринятыми в практическом смысле. При этом в каждой паре теорий появляется большое количество положительных обратных связей, которые образуют странные аттракторы и переводят все четыре области во взаимосвязанное состояние, формируя сетевую структуру. И если каждая из рассмотренных Д. Дойчем концепций по отдельности содержала объяснительные пробелы, то, как только появлялась возможность их совместного рассмотрения, это неудачное свойство изменялось на прямо противоположное. В поле этих концепций возникло главное свойство сети: «объяснительная структура, которую они *совместно* представляют для структуры реальности, не является иерархической: каждая из четырех нитей содержит принципы, которые “исходят” из перспектив трех других, но тем не менее помогают объяснить их» [11, с. 350].

В воспоминаниях классика американской когнитивной психологии Дж.А. Миллера приводится схема объединения шести дисциплин, образующих когнитивную науку, в единую сеть [21]. К сожалению, в этой модели не отражен динамический аспект формирования сети — психология, философия, лингвистика, антропология, нейронаука и информатика представлены автором лишь в виде вершин шестиугольника. Тем не менее при этом им обозначаются все пятнадцать возможных способов

связей между ними как направлений междисциплинарных исследований. Каждая такая область требует развития коммуникации между дисциплинами и объединения их методического инструментария. Соединенные вместе, эти области должны были образовать единую когнитивную науку. И хотя Дж. А. Миллер считает, что этот замысел до конца не реализовался, и в настоящее время существуют когнитивные науки «во множественном числе», тем не менее именно в сети знаний он увидел путь их дальнейшей эволюции.

Размышляя о зарождении новой (сетевой) парадигмы в научных исследованиях, Ф. Капра одним из наиболее эффективных путей преодоления разобщенности научного знания считает принцип самонастройки (*bootstrap*), при котором ни одна из теорий и моделей не будет более фундаментальна, чем другие, и все они должны будут являться взаимно совместимыми. Новая психология, о возникновении которой он пишет в работе «*The Turning Point*» [42], хотя и далека сегодня от полной теории, но развивается по форме нежестко соединенных моделей, идей и терапевтических техник. Это развитие происходит вне академических институтов, большинство из которых остается привязанными к картезианской парадигме мышления. В настоящий момент фокус новой науки сдвигается в направлении от психологических структур к процессам, лежащим за ними. Психика человека рассматривается как динамическая система, включающая ряд функций, которые системные теоретики связывают с феноменом самоорганизации.

Одним из наиболее существенных достижений современной психологии, считает Ф. Капра, является адаптация бутстрапного подхода к пониманию психики человека. Ссылаясь на мнения ряда современных психологов, он указывает, что ни один из существующих подходов не является ошибочным, но каждый из

них сосредоточивается на отдельной части целостного спектра психологического явления. Как и физики, пишет Ф. Капра, психологи должны создать сеть сцепленных моделей, использующих разные языки для обозначения различных аспектов и уровней действительности [42].

Как одна из наиболее обстоятельных систем, сумевшая интегрировать различные психологические школы, выступает в настоящее время «Интегральная психология» К. Уилбера [35]. Уилбер сравнил и противопоставил около двухсот психологических теорий — западных и восточных, древних и современных — и каталогизировал их. Он пришел к убеждению, что большинство из этих концепций составляют важную часть общей истины, обладают подлинным, но частичным пониманием «обширного поля сознания» (психики).

Приблизительно сто психологических теорий послужили основой для создания К. Уилбером базовой сети (master matrix) типов и моделей сознания. Для межпарадигматических обобщений он использовал логику включения, логику вложенных сетей и максимально широкого охвата. «Логика сетей — это диалектика целого и части. Проверяется максимально возможное количество деталей; затем собирается приближенная большая картина; она проверяется дальнейшими деталями и корректируется. И так до бесконечности: все новые и новые детали постоянно изменяют большую картину — и наоборот. Ибо секрет контекстуального мышления состоит в том, что целое раскрывает новые смыслы, недоступные частям, и таким образом большие картины, которые мы строим, будут придавать новый смысл составляющим их частям» [35, с. 14]. Сеть психологических теорий, исследований и практик была разработана К. Уилбером таким образом, что каждая из них приобретает способность заполнять пробелы других и разрывы между ними.

На основе созданной картины К. Уилбер построил собственную модель, которую назвал интегральной теорией сознания. Он поставил в соответствие эволюционные ступени развития сознания и основные психологические идеи и концепции мировой науки. При этом каждый диапазон спектра сознания связан в этой модели с соответствующим уровнем психотерапевтической работы. Таким образом, он получил возможность преодоления практически всех возможных видов методологических «разрывов» в психологии за счет открытия т.н. принципа «ориентирующих обобщений» — минимально допустимого уровня абстракции между базовыми положениями сравниваемых теорий, при котором эти положения переставали конфликтовать друг с другом (если таковой конфликт имел место на начальном этапе сравнительного анализа) [35].

Как бы предощущая появление подобного рода интеграционных идей, Л.С. Выготский пытался разрешить проблему разрыва теории и практики с помощью психотехнического метода. Он видел выход из психологического кризиса в создании психологии, основанной на психотехническом действии. Эта мысль Л.С. Выготского теоретически развивается в работах А.А. Пузыря [30], Ф.Е. Василюка [3–4], которые связывают становление психотехнического метода с возможностью преодоления «схизиса» в психологии и «радикальной перестройки» ее методологии.

Ф.Е. Василюк рассматривает триаду «сознание—социальная практика—культура» как конституирующую основу человеческой целостности и принципиальную категориальную схему психотехнического подхода. В сущности, его трактовку взаимосвязей между обозначенными категориями можно рассматривать как сетевую модель, поскольку «эти контексты взаимотражаются друг в друге, пронизывают

друг друга и существуют как узлы в одной связке. *Сознание—практика—культура — такова тройная формула контекста, задающего действительность человеческой целостности*» [4, с. 28]. Выделение в качестве контуров новой зарождающейся науки синтеза культурно-исторической теории сознания, практики психоанализа и гуманистической психологии не предполагает отбрасывание других подходов к сознанию, других теорий и практик, а также естественно-научных традиций психологии. Новая психология, «не отрекаясь от того, чтобы быть деятельностной психологией, ...станет еще и деятельной психологией» [4, с. 39].

Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем становление сетевой парадигмы во многих областях современной науки: эпистемологии, биологии, информатике, физике, экономике, социологии, психиатрии, а также в психологии. Эффективность математики в значительной степени определяется тем, что она практически всегда развивалась на основе сетевых принципов [18; 32], а взрывоподобный рост числа междисциплинарных исследований в последние несколько десятилетий свидетельствует о естественных закономерных процессах интеграции знания из различных областей науки и практики.

Поскольку процессы самоорганизации неразрывно связаны с законами синергетики и логикой вложенных сетей, система психологического знания, рассматриваемая как сеть психологических теорий и практик, сделает, по-видимому, возможным регулировать границы, отделяющие психологическое знание от других областей науки, оставаясь при этом открытой для взаимодействия с ними, но одновременно сохраняющей внутреннее организационное единство самой психологии.

Сетевой принцип организации знаний никак не означает, что различные концепции будут соединены эклектически в некую одноуровневую (плоскую)

структуру. Законы синергетики, принцип аутопоэзиса и логика вложенных сетей описывают холярхичность отношений между всевозможными концепциями (свойство одновременно быть и самостоятельным целым, и частью более обобщающей концепции) и образование «мультиверсума» в противоположность универсуму (единственному миру) [11]. При этом каждая теория непременно будет выходить за обычные дисциплинарные рамки, используя каждый раз тот язык, который окажется наиболее соответствующим для описания различных аспектов реальности. Пользуясь метафорой П. Ватцлавика [5], можно сказать, что роль сетевой организации для психологического знания подобна роли мнимых чисел в математике, которые решают задачи в области действительных чисел и «наводят мосты» между ними за счет своей невидимой сети.

Литература

1. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности // Биомеханика и физиология движений / под ред. В.П. Зинченко. М.; Воронеж, 1997. С. 342–460.
2. *Бейтсон Г.* Экология разума. М., 2000.
3. *Василюк Ф.Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15–32.
4. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
5. *Ватцлавик П.* Конструктивизм и психотерапия // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 101–114.
6. *Гусельцева М.С.* Культурная психология и методология гуманитарных наук // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 3–19.
7. *Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 119–131.
8. *Гусельцева М.С.* Методологические кризисы и типы рациональности в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.

9. Давыдов А.В. О некоторых социально-политических последствиях становления сетевой структуры общества // Аналитический вестник. М., 2002. № 17 (173). С. 35–46.
10. Давыдов А.В. Сеть как основная форма грядущей экономической организации общества // Аналитический вестник. М., 2002. № 17 (173). С. 47–55.
11. Дойч Д. Структура реальности. Ижевск, 2001.
12. Казанский А.Б. Феномен Геи Джеймса Лавлока // Экогеософский альманах. СПб., 2000. № 2. С. 4–21.
13. Казанский А.Б. Биосфера как аутопоэтическая система: Биосферный бутстрап, биосферный иммунитет и человеческое общество // Экогеософский альманах. СПб., 2003. № 3. С. 5–50.
14. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М., 2003.
15. Капра Ф. Уроки мудрости. М., 1996.
16. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. М., 2005.
17. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб., 2006.
18. Курант Р., Гильберт Д. Методы математической физики. М.; Л., 1945.
19. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
20. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М., 2001.
21. Миллер Дж.А. Когнитивная революция с исторической точки зрения // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 104–109.
22. Митина О., Петренко В.Ф. Синергетическая модель динамики политического сознания // Синергетика и психология. Тексты. Вып.1. Методологические вопросы. М., 1997. С. 334–361.
23. Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–17.
24. Паринов С.И., Яковлева Т.И. Экономика XXI века на базе Интернет-технологий // Материалы электронного семинара РВЛЭС. 1998. Режим доступа: <http://rvles.ieie.nsc.ru/HyperNews/get/forums/21century.html>
25. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
26. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1999.
27. Петухов В.В. Природа и культура. М., 1996.
28. Пигалев А.И. Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона // Вопросы философии. 2004. № 6.
29. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
30. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М., 1986.
31. Розин В.М. Психологическая помощь. Психотехника. Эзотерический опыт. М., 1995.
32. Сингх С. Великая теорема Ферма. М., 2000.
33. Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–9.
34. Степанова М.А. Практическая психология образования: противоречия, парадоксы, перспективы // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 91–101.
35. Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004.
36. Хакен Г. Синергетика. М., 1985.
37. Чуприкова Н.И. Психофизиологическая проблема и разработка теории мозговой организации высших психических процессов в трудах Е.И. Бойко и его школы // Вопросы психологии. 2005. № 2.
38. Чью Дж. Аналитическая теория S-матрицы. М., 1968.
39. Юревич А.В. Естественно-научная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005. № 2.
40. Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16–28.
41. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–19.
42. Капра Ф. The Turning Point. N.Y., 1982.